

DOI: 10.22363/2313-2272-2022-22-2-291-305

Региональная молодежь в нелинейном глоболокальном социуме: новые формы социального напряжения*

З.Т. Голенкова¹, Т.А. Хагуров²

¹Институт социологии ФНИСЦ РАН

ул. Кржижановского, 24/35, к. 5, Москва, 117218, Россия

²Кубанский государственный университет

ул. Ставропольская, 149, Краснодар, 350040, Россия

(e-mail: golenko@isras.ru; khagurov@mail.ru)

Аннотация. Современное состояние общества характеризуется многомерностью и нелинейностью социальных процессов, подвижностью социальных структур, динамизмом и противоречивостью культурных трансформаций. Современность объективно сложна для описания и понимания, отсюда — множественность попыток ее концептуализации через категории риска, потребления, макдональдизации и т.п. Важной чертой современности становится глоболокальность, подразумевающая сложное взаимодействие глобальных и локальных социокультурных систем в региональном или национальном социуме. Одним из глобальных трендов становится изменение форм социального напряжения, что связано с процессами, происходящими в сфере культуры, терминальных и инструментальных ценностей и мотивов социальной активности. В статье анализируется взаимосвязь этих процессов с изменениями в системе смысложизненных ценностей российской молодежи. Отмечается, что изменения происходят под влиянием новых форм социального напряжения, являющихся результатом влияния глоболокальной культурной матрицы. Классические формы социального напряжения, обусловленные высокой ценностью успеха и дефицитом институциональных средств его достижения, были описаны в середине XX века Р.К. Мертоном. Современные формы социального напряжения дополняются и видоизменяются в соответствии с изменениями в ценностно-мотивационной сфере. Напряжение «психологизируется»: в условиях культурной мозаичности глоболокального социума доминирующим становится «дискурс самореализации», который приходит на смену «дискурсу успеха» обществ классического модерна. Эти изменения формируют специфическое содержание системы смысложизненных ценностей молодежи, важными модусами которой становятся эгоцентризм и индивидуализация. Особенно восприимчиво к этим культурным веяниям студенчество — как наиболее глобализированная и рефлексивная часть молодежи. Данные процессы рассматриваются на материалах нескольких крупных эмпирических исследований молодежи в Краснодарском крае. Данные опроса молодежи Краснодарского края (N = 7898) соотносятся с данными опроса выпускников университета (N = 2051), уточняется содержание смысложизненных ценностей региональной молодежи и факторы, влияющие на их формирование.

Ключевые слова: нелинейность; глоболокальность; консенсус мозаичности; индивидуализация; играция; молодежь; социальное напряжение; успех; самореализация; смысложизненные ценности; жизненные стратегии

* © Голенкова З.Т., Хагуров Т.А., 2022.

Статья поступила 24.01.2022 г. Статья принята к публикации 07.04.2022 г.

Концептуализируя современное состояние общества, социальные науки теряются в многообразии определений. Отталкиваясь от тех или иных аспектов современности, говорят об информационном (Ф. Уэбстер) [21], сетевом (М. Кастельс) [15] или индивидуализированном (З. Бауман) обществе [1], обществе риска (У. Бек) [13], потребления (Ж. Бодрийяр) [12] или спектакля (Г. Дебор) [16]. Подчеркивая принципиальные отличия от недавней современности (модерна), понимание и описание которой и сформировало социологию как науку, говорят об обществе с приставкой «пост»: постмодерне (Ж.Ф. Лиотар) [18], посткапитализме (П. Мэйсон) [19], постиндустриальном (Д. Белл) [14] и постсекулярном (Ю. Хабермас) [10] и даже постхристианском обществе. Отмечая, что многие базовые черты модерна никуда не делись, говорят о радикальном, высоком (Э. Гидденс) [17] или рефлексивном (Дж. Ритцер) [20] модерне. В контексте утраты устойчивости социальных структур и институтов современность описывается как «текучая» (З. Бауман) [1], ее новым модусом мыслится «играизация» (С.А. Кравченко) [6]. Осмысливая в данном контексте реалии российского общества, очевидным образом вписанного в глобальный мир, но своеобразного, говорят об обществе травмы или обществе-кентавре (Ж.Т. Тощенко), транзитивном обществе (М.К. Горшков).

Для нас наибольший интерес представляют концепты нелинейности и глоболокальности социальных процессов (С.А. Кравченко) в рискологической перспективе [6] и концепт индивидуализации З. Баумана как нового типа социальности [1]. «В настоящее время активно формируется новая нелинейная глоболокальная социокультурная реальность. Мир на глобальном и на локальном уровнях сталкивается с усложняющейся социокультурной динамикой общества, невиданными ранее бифуркациями... Вместе взятые эти сложные процессы с неизбежностью порождают новые социокультурные реалии несущие неопределенность и риски» [6. С. 5]. В числе многочисленных рисков, порождаемых противоречиями современности, обращают на себя внимание риски отчуждения и дегуманизации, порождаемые новейшими типами рациональности (макдональдизацией), трансформирующие пространства профессиональной деятельности и межличностных отношений, риски играизации, парадоксальным образом меняющие восприятие и поведение социальных акторов [6. С. 179–181, 186–189].

Основные измерения глобальной культуры [2] (глобальная массовая, глобальная деловая (давосская), глобальная культура интеллектуалов, глобальные массовые движения) и обусловленные их влиянием институциональные трансформации сложным образом взаимодействуют с локальными культурными и институциональными системами. Одним из главных последствий такого взаимодействия становится «консенсус мозаичности» культурной матрицы, формирующей индивидуальные стратегии членов социума, — матрицы, соединяющей традиционные формы идентичности, ценностей и основанных на них жизненных стратегий с множественными формами идентичности и ориентиров различных измерений глобальной культуры. Это многообразие позволяет индивидам делать выбор

из предлагаемой мозаики идентичностей, ценностей и стратегий и одновременно проблематизирует этот выбор множественностью возможных вариантов.

Важным модусом глоболокальной матрицы становится концепт самореализации, замещающий концепт успеха как ключевого ориентира индивидуальных стратегий в обществах классического модерна на фоне «упадка труда» (З. Бауман), стирания границ между трудом и досугом в практиках верхних слоев прекариата (фрилансеров), и получает мощнейшую культурную поддержку через инфлюэнсеров — огромной армии интернет-гуру, коучей, авторов мотивационных блогов, книг и сетевых изданий, убеждающих аудиторию «обрести себя» и «жить в гармонии с собой».

Все это оказывает существенное влияние на процессы социального напряжения (*social strain*), описанные Р. Мертоном для условий классического модерна в середине XX века [7]. Исследованные Мертоном формы социального напряжения были связаны с противоречием между стремлением к успеху как доминирующей культурной целью и дефицитом институциональных средств его достижения. Успех в условиях классического модерна имел четкую социальную локализацию (верхние этажи социальной пирамиды), понятную траекторию (восходящая мобильность) и стратегию (личный аскетизм, профессионализм и трудолюбие). Достигая успеха, индивид обретал высокий статус и материальное благополучие, доступ к престижному потреблению и другим благам. Доминирующий в культурной индустрии модерна нарратив «историй успеха» в форме фильмов, книг, биографий, ток-шоу и т.п. поддерживал, мотивировал и направлял индивидуальные стратегии его достижения. Обусловленная социальной структурой объективная разница между числом желающих добиться успеха и позициями на верхних этажах социальной лестницы порождала напряжение и описанные Р. Мертоном девиантные реакции на него (инновации, ретритизм, ритуализм, мятеж) [7. С. 254–277].

В современных условиях прежние формы напряжения, обусловленные неравенством, с одной стороны, продолжают существовать, а, с другой — видоизменяются и размываются. Самореализация, замещающая успех в качестве главной культурной цели, несет в себе набор смыслов, меняющих акценты в понимании и планировании индивидуальных жизненных стратегий. Нарратив «историй самореализации» в культурной индустрии, создаваемой интернет-инфлюэнсерами и популярной психологией, уравнивает в массовом сознании успешного менеджера, фрилансера и дауншифтера. Истории руководителя крупной компании, бариста, фитнес-тренера или бьюти-блогера предстают в этом нарративе как равноценные варианты самореализации, при условии, что их герои «нашли себя», «чувствуют гармонию» и «развиваются». Главным условием успешной самореализации становится «поиск себя», что требует от индивида принятия определенной идентичности, а это, в свою очередь, становится проблемой на фоне почти бесконечного набора взаимозаменяемых идентичностей, предлагаемых ему в играйзированных формах в глобальном интернет-супермаркете.

Как следствие, в условиях «консенсуса мозаичности» культурной матрицы прежние формы напряжения дополняются новыми, обусловленными, во-первых, растерянностью субъекта перед многообразием выбора идентичностей и путей самореализации; во-вторых, противоречием между возможностью отказаться от трудоемких и аскетичных практик успеха в пользу более комфортных практик самореализации, с одной стороны, и потребностью поддерживать достаточно высокий уровень потребления, требующий экономической успешности — с другой.

Основной социальной группой, испытывающей максимальное воздействие этих противоречий, становится молодежь. Представители более старших возрастных групп, как правило, обладают уже сформированной идентичностью и реализуют ту или иную легитимную стратегию реакции на социальной напряжение в классических (мертоновских) формах конформизма, ритуализма или отступления. Молодежь же более восприимчива к новым формам напряжения и наиболее рискогенная социальная группа в силу специфики своего культурно-исторического положения и особенностей социализации, обусловленных социокультурными трансформациями конца XX — начала XXI веков: она сформирована реалиями разрыва с предшествующей культурной традицией, имеющего различную специфику на Западе и в России; на постсоветском пространстве этот разрыв, принявший форму культурно-исторической и ценностной травмы, анонимизировал процессы взросления и деятельность базовых институтов социализации, прежде всего семьи и школы [11]; Интернет и гаджеты являются для молодежи органичной средой обитания и общения, с ранних лет формирующей паттерны мировосприятия и коммуникации; ее знания о мире и будущей профессии сформированы макдональдизированной системой образования с издержками упрощения, шаблонности, прагматизации и формализма.

Все это формирует комплекс факторов неопределенности и риска, создающих дополнительные формы социального напряжения и осложненных тем, что современная молодежь «прошла массивную обработку пропагандой потребительства, которая формирует агрессивное подражательство моде, разжигает неудовлетворенность имеющимися возможностями потребления, порождает зависть к материальному и статусному успеху “счастливицков”» [5. С. 109].

Возникает вопрос о соотношении высказанных теоретических суждений с эмпирическими реалиями российского общества. Такое соотношение было осуществлено на материалах двух социологических исследований, проведенных в 2021 году в Краснодарском крае, и результатах аналогичных более ранних исследований. Краснодарский край можно считать «пилотным» регионом для России: высокая степень этнокофессионального разнообразия, густонаселенность, разнообразие геоклиматического ландшафта, соотношение сельских и городских территорий, развитый и неравномерный социально-экономический комплекс — все это позволяет с осторожностью считать его региональной моделью российского социума.

Ряд вопросов исследований касался насущных жизненных проблем, ценностей и целей респондентов, выявления «лидеров мнений», влияющих на формирование индивидуальных жизненных стратегий современной молодежи. Задача заключалась в понимании тех форм социального мышления и элементов картины мира молодежи, которые определяют как «смысло-жизненные ценности», формирующие общую направленность жизненных устремлений и личных стратегий [5. С. 4].

Первое исследование базировалось на сочетании количественных и качественных методов и состояло в опросе молодежи всех 44 муниципальных образований Краснодарского края (N = 7898): молодежь 14–30 лет, распределенная по трем возрастным группам — младшая (14–17 лет) — 27%, средняя (18–22) — 51% и старшая (23–30) — 22%. Распределение респондентов по полу соотносится с общими характеристиками Краснодарского края: 55% женщин и 45% мужчин. Также было проведено 8 фокус-групп в нескольких муниципальных образованиях — Краснодар, Армавир, Тимашевский и Славянский районы, что отражает территориальные и социально-экономические зоны: центральные районы края с ярко выраженной аграрной спецификой, восточные со смешанным производством, приморские города и районы, административный центр — Краснодар.

Большинство респондентов (83%) учатся: 36% — в вузах, 38% — в средне-специальных и среднетехнических учебных заведения, 9% — в старших классах школы, нигде не учатся 17%. 25% работают постоянно, 10% подрабатывают систематически, а 19% — эпизодически. Около половины (47%) опрошенных не работают, их основным занятием является учеба, что обуславливает особенности проживания и взаимодействия с семьей: 53% проживают с родителями, 32% — отдельно, но по большей части это временное проживание в общежитии или квартире на время учебы, и 15% имеют свою семью.

Второе исследование охватило выпускников крупнейшего университета Кубани и одного из ведущих университетов Юга России — Кубанского государственного университета, в котором обучается свыше 30 тысяч студентов из 82 субъектов РФ (70% — представители ЮФО и СКФО). Самый широкий в регионе спектр направлений подготовки — от естественно-научных и математических до гуманитарных и творческих — позволяет охватить представителей разных профессиональных групп с разными перспективами на рынке труда. N = 2051, или 56% выпускников очной формы 2021 года.

Поскольку исследования молодежи в Краснодарском крае, организуемые совместно ФНИСЦ РАН и Кубанским государственным университетом, проводятся на протяжении десяти лет с использованием частично схожего инструментария, возникает возможность сопоставления. Одна из гипотез исследования заключалась в том, что за последние 5–8 лет содержание ключевых смысло-жизненных ценностей молодежи сместилось от полюса «разумного эгоизма» (карьера, семья и дети, материальное благополучие) к полюсу «эго-центризма и самореализации» (поиск себя, свобода и личное благополучие).

Сопоставление ответов молодежи и выпускников университета — как наиболее образованной, рефлексивной и открытой культурным влияниям ее части — позволяет увидеть интересные различия. Ответы респондентов на вопрос «Что для Вас наиболее важно в будущей жизни?», полученные в рамках опроса молодежи, представлены на Рисунке 1: в «топ-5» наиболее значимых ценностей входят: желание иметь любимую и интересную работу (90%), хорошее здоровье (88%), стремление стать профессионалом в своей сфере, сделать успешную карьеру (85%), желание иметь хорошо оплачиваемую работу, высокий доход (85%), а также иметь хороших и верных друзей (83%). Все это ценности индивидуально-эгоистические, сформированные «на стыке» дискурсов успеха и самореализации. Ценность дружбы в данном случае следует интерпретировать как индивидуалистическую — как один из индивидуально-значимых ресурсов защиты от одиночества и психологической поддержки, что подтверждается материалами фокус-групп: *«Безусловно, люди, которые меня окружают, поддерживают в трудные моменты»*. Интересно отметить, что хотя ценности семьи и воспитания детей оказались столь же значимы, как и дружба (83%), в отношении семейных ценностей почти вдвое больше респондентов выбрали вариант «это совсем неважно для меня» (6,5% и 3,5%).

Рис. 1. Распределение ответов на вопрос «Что для Вас наиболее важно в будущей жизни?» (в %)

Наименее значимы для респондентов ценности патриотизма, социального служения и альтруизма. Смыслоразнозначный концепт «внести свой вклад в развитие страны, послужить Отечеству» выбрали в качестве важного 42% — это наименьший показатель в данном вопросе (он набрал максимум выборов как «совсем не важный» — 21%). Это показательная информация к размышлению относительно эффективности используемых

сегодня методов «патриотического воспитания» в контексте рисков информационной открытости социума и информационно-культурной локализации молодежной аудитории.

Наблюдаются ожидаемые отличия в системе жизненных приоритетов мужчин и женщин, отражающие эффекты «гендерной инверсии» — возрастания социальной успешности женщин на фоне снижения мотивации достижения и успеха у мужчин [см., напр.: 4]. Для женщин гораздо важнее карьера, желание найти высокооплачиваемую и любимую, интересную работу, достижение профессиональной реализации, а также здоровье, саморазвитие и забота об окружающей среде, тогда как для мужчин гораздо важнее работа на благо Родины (52 % против 33 %).

Таким образом, в ответах региональной молодежи просматривается соответствие ценностным установкам индивидуализированного общества, и постмодернистский концепт самореализации вполне сочетается с концептом успеха в классических для модерна измерениях карьеры и дохода. Картина несколько меняется в ответах на аналогичный вопрос выпускников университета (Табл. 1) — здесь просматриваются контуры ценностной иерархии из нескольких достаточно согласованных по значимости групп ценностей: 1) эгоцентрические ценности самореализации и личного благополучия (любимая и интересная работа, хорошее здоровье, свобода и независимость); 2) эгоистические ценности успеха (хорошо оплачиваемая работа, высокий доход, профессионализм и карьера); 3) ценности отношений (семья, воспитание детей, любовь); своего рода «мостиком» между ценностями эгоистическими и ценностями отношений выступает дружба как ресурс личной поддержки; 4) ценности «декларативного альтруизма» (помогать людям, заботиться об экологии; но показатель реального участия в волонтерстве, хотя бы эпизодически, не превышает 22 %, что в три раза ниже декларируемой значимости); 5) ценности социального признания, служения и патриотизма.

С одной стороны, как и предполагалось, выпускники вузов более восприимчивы к глобальному дискурсу самореализации и в меньшей — к локальным ценностям гражданственности и социальной ответственности, что находит подтверждение в схожих исследованиях на постсоветском пространстве, например, жизненных ценностей белорусских студентов: «абстрагированность от традиций прошлого, отсутствие идеологической зашоренности, стремление к свободе самовыражения плюс возросший порог компетентности, — все это создало по умолчанию благоприятную почву для ожидаемости оригинального молодежного проекта самореализации... Перед нами закономерный итог рационализирующейся компетентности студенчества образца XXI столетия с выраженной свободой самореализации, прагматической составляющей программы жизненного успеха и культивируемым инструментальным подходом к ее реализации, хотя и не лишенных ожидаемости социального одобрения» [3. С. 114].

**Распределение ответов выпускников КубГУ на вопрос
«Что для Вас наиболее важно в будущей жизни?» (в %)**

Что наиболее важно в будущей жизни	Это очень важно для меня	Это не очень важно	Это совсем не важно для меня
Иметь любимую, интересную работу	93,7	5,7	1
Иметь хорошее здоровье	92	6,4	1,6
Быть свободным, независимым	89,4	9,2	1,4
Заниматься саморазвитием, творчеством	89,4	9,2	1,4
Иметь хорошо оплачиваемую работу, высокий доход	88,3	10,6	1,2
Стать профессионалом в своем деле, сделать успешную карьеру	85,6	13,2	1,2
Иметь хороших и верных друзей	82,4	14,5	2,7
Иметь хорошую семью, воспитывать детей	74,5	17	8,6
Встретить настоящую любовь	72,5	19,7	7,9
Помогать людям, сделать их жизнь лучше	60,8	31,7	7,5
Заботиться об экологии, животных, окружающей среде	60,3	31,9	7,8
Добиться признания в обществе	50,3	37,3	12,4
Внести свой вклад в развитие страны, послужить Отечеству	36,6	39,2	24,3

Если в отношении самореализации и прагматической составляющей данные наших исследований совпадают с данными белорусских коллег, то в отношении социального одобрения видны расхождения. В нашем исследовании лишь около половины выпускников указали на высокую значимость социального признания, тогда как для 70 % белорусских студентов очень важно общественное признание. Одной из возможных интерпретаций этих различий может быть более высокий уровень радикального эгоцентризма (снижающего значимость социальных оценок по сравнению с субъективным самовосприятием) российского студенчества и молодежи.

Одно из подтверждений такого предположения — ответы молодежи на вопрос о любимых героях и лидерах мнений. В отношении героев ответы в целом оказались ожидаемыми: среди киногероев (самая многочисленная категория) доминируют представители зарубежного экшн-кинематографа, такие как «герои Марвел», «Человек-паук» и т.п.; среди литературных героев — персонажи русской классической литературы (благодаря школьной программе) с небольшим добавлением персонажей зарубежной классики; среди исторических героев (43 % респондентов) — отечественные правите-

ли и полководцы, Петр 1, Екатерина Великая, Суворов, Жуков; среди героев-современников — кто-то из родителей или близких родственников, прадедушек-участников войны и Путин. Обобщенные (без персонификации) ответы на этот вопрос представлены на Рисунке 2. Обращает на себя внимание количество респондентов, выбравших вариант «любимых героев у меня нет — я сам(а) себе герой» — 33 %: за 5–8 лет этот показатель вырос в 1,5 раза (2013 — 18–19 %, 2017 — 21–23 %).

Рис. 2. Распределение ответов на вопрос «Есть ли у Вас любимые герои?»

Это, как и снижение значимости социально одобрения, согласуется с содержанием дискурса самореализации, одним из главных посылов которого является тезис «неважно как вас оценивают окружающие, главное быть в согласии с собой». Следствием становится радикальный эгоцентризм, для которого «в центре мироздания предложенного проекта находится “Я” личности, на которой сфокусирован весь инструментальный арсенал социальных каналов самореализации» [3. С. 114].

Для уточнения наличия значимых инфлюэнсеров в молодежной среде респондентам задавался вопрос «Есть ли какие-то люди (авторы, ведущие, блогеры, писатели и т.д.), материалы которых на политические, общесоциальные, жизненные темы Вы систематически смотрите, читаете, мнение которых Вы считаете в целом правильным, значимым для себя? Кто они? Напишите». Было получено более тысячи ответов, из которых после выбраковки шуточных, провокационных и бессодержательных был получен список из 675 ответов. Среди наиболее часто упоминаемых инфлюэнсеров — политические блогеры оппозиционной (А. Навальный, К. Собчак, А. Пивоваров и др.) и реже патриотической ориентации (В. Соловьев, Дм. Гоблин-Пучков), шоумены, работающие в жанре «трэш-тока» (А. Моргенштерн др.), психологи (А. Курпатов, Я. Топлесс и др.), религиозные блогеры (прот. А. Ткачев и др.), бьюти-блогеры (у девушек). В совокупности инфлюэнсеры, работающие в жанре популярной психологии и саморазвития, набрали около трети ответов, столько же — специализирующиеся на темах ЗОЖ, фитнеса и т.п. Выборочный контент-анализ материалов этой группы показывает, что темы «поиска себя», «согласия с собой», «любви к себе», «заботы о себе» и т.п. в ней доминируют. Иными словами, примерно две трети популярных в молодежной аудитории инфлюэнсеров — «апостолы самореализации» в ее максимально эгоцентрированном варианте.

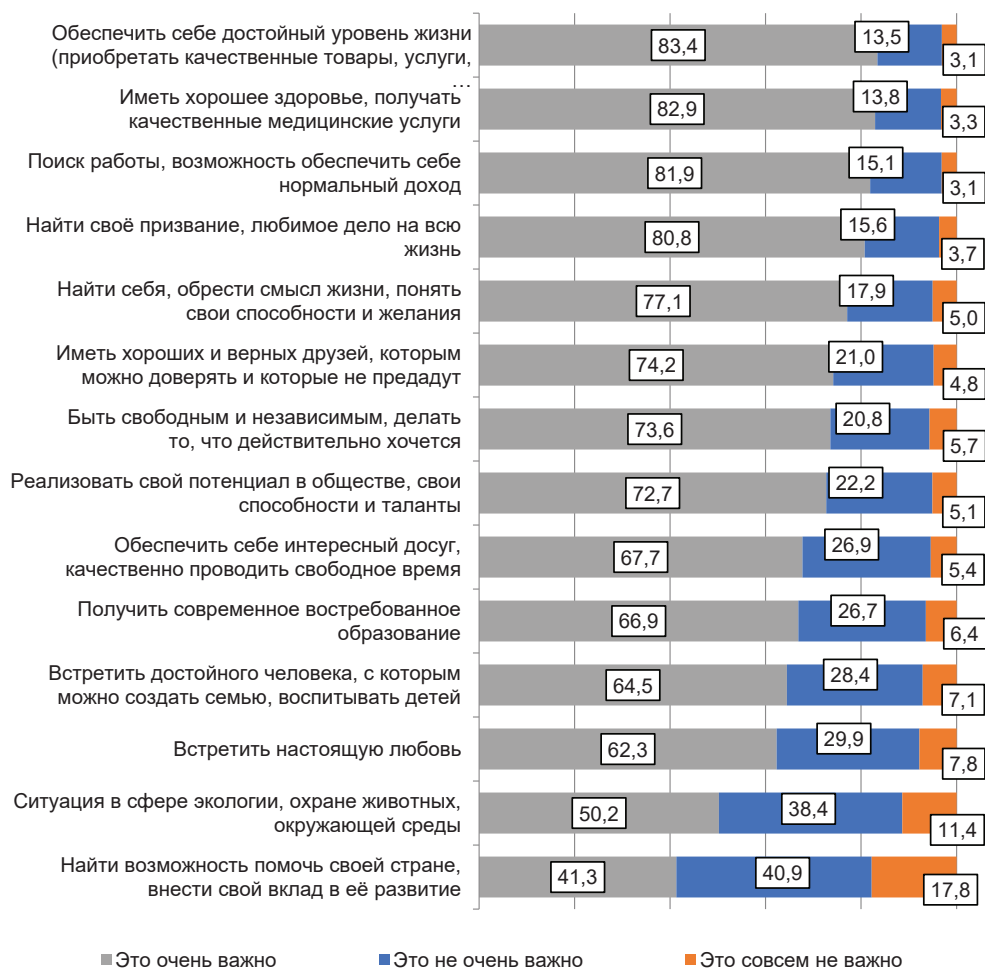

Рис. 3. Распределение ответов на вопрос «Что с Вашей точки зрения является сегодня серьезной проблемой для молодежи (Вас, Ваших сверстников, знакомых), вызывающей тревогу и заботу?» (в %)

В целях перепроверки надежности ответов о смысложизненных ценностях молодежи и выпускников университета был задан дублирующий вопрос «Что с Вашей точки зрения является сегодня серьезной проблемой для молодежи (Вас, Ваших сверстников, знакомых), вызывающей тревогу и заботу?» (Рис. 3). Ответы респондентов в целом согласуются с ответами на вопрос о ценностях. В «топ-5» наиболее актуальных проблем вошли: 1) необходимость обеспечить себе достойный уровень потребления; 2) потребность иметь хорошее здоровье; 3) поиск хорошо оплачиваемой работы, дохода; 4) потребность в обретении любимого дела, профессиональной самореализации; 5) потребность в «обретении себя», смысла жизни, т.е. в личной самореализации. Субъективная значимость этих проблем существенно выше, чем проблем создания семьи, поиска настоящей любви, заботы об окружающем мире или помощи своей стране. Женщины вновь

продемонстрировали большую озабоченность проблемами трудоустройства, карьерного роста и обеспечения материальных условий жизни, здоровья и экологии. Кроме того, для женщин более важен качественный досуг, образование, самопознание, самореализация, а также свобода и независимость. В то же время отношение к семье, любви и патриотизму примерно одинаково у представителей обоих полов.

В свободных ответах респондентов на этот вопрос просматриваются некоторые типичные пересечения: *«Меня куда больше смущает и осложняет жизнь массовое безразличие друг к другу и атрофированная этика»; «Моя семья живет на съёмной квартире, я еле свожу концы с концами и ума не приложу, каким образом в современной России жить, рожать детей, строить будущее, наше поколение брошено на произвол судьбы»; «Мало патриотов и ценителей природы»; «Небольшая зарплата, постоянная необходимость поиска подработок»; «Я не знаю кто я».*

При сопоставлении с ответами выпускников университета (Табл. 2) вновь наблюдаются незначительные, но характерные различия. Так, структура актуальных жизненных проблем у выпускников максимально эгоцентрична: наиболее значимы проблемы уровня дохода и потребления, затем самореализации, здоровья и досуга. Ценности отношений уступают по значимости ценностям потребления и самореализации, что подтверждается материалами фокус-групп: *«Самореализация, самообразование, именно поиск себя самого. Наверное, это сейчас самое важное для молодежи»; «Сейчас вгоняют в рамки всякими ЕГЭ, куда поступать и тому подобное, шаг вправо, шаг влево... Поэтому важно найти себя и когда не вгоняют в рамки»; «Я ценю возможность самореализовываться в любой деятельности, поэтому можно сказать, что я стараюсь пробовать как можно больше и очень ценю семью. Если мы будем говорить про ценности нашего поколения, наверное, самая главная ценность — это личная свобода и возможность заниматься тем и быть тем, кем ты хочешь».*

Таким образом, предположение о появлении новых, «психологизированных» форм социального напряжения, связанных с «дискурсом самореализации» получает эмпирическое подтверждение, как и тезис, что новые формы напряжения не отменяют прежних, связанных с «дискурсом успеха», а сосуществуют с ними, порождая дополнительные ракурсы воздействия на сознание и жизненные стратегии молодежи. Именно молодежь и в первую очередь студенчество в наибольшей степени ощущает их воздействие, требующее «найти и реализовать себя» в условиях нелинейности социальных процессов и мозаичности культуры, доминантами которых являются потребление и индивидуализация. Самореализация, как никакой другой культурный конструкт, тесно связана с тем, что З. Бауман называет «принципом обмена свободы на безопасность» [1. С. 57].

Условием самореализации является свобода, ценой которой становится «небезопасность (скорее, неуверенность — *Unsicherheit*, комплексный дискомфорт, наряду с отсутствием безопасности включающий в себя неопределенность и незащищенность); это действительно высокая цена, если учесть, с каким множеством вариантов выбора свободной личности приходится сталкиваться ежедневно... это жизнь в условиях риска, и человек, принимающий решения, должен сам платить за риски, на которые он идет» [1. С. 59].

Таблица 2

**Распределение ответов выпускников КубГУ на вопрос
«Что с Вашей точки зрения является сегодня серьезной проблемой
для молодежи (Вас, ваших сверстников, знакомых),
вызывающей тревогу и заботу?» (в %)**

Проблемы, которые молодежь считает наиболее серьезными	Это очень важно	Это не очень важно	Это совсем не важно
Поиск работы, возможность обеспечить себе нормальный доход	93	5,7	1,3
Обеспечить себе достойный уровень жизни (приобретать качественные товары, услуги, путешествовать)	91,7	7,3	1,1
Иметь хорошее здоровье, получать качественные медицинские услуги	86,9	11,3	1,8
Быть свободным и независимым, делать то, что действительно хочется	86,2	11,9	2
Найти себя, обрести смысл жизни, понять свои способности и желания	86,1	11,2	2,7
Найти свое призвание, любимое дело на всю жизнь	86	12,9	1,7
Реализовать свой потенциал в обществе, свои способности и таланты	79	17,11	3,9
Обеспечить себе интересный досуг, качественно проводить свободное время	74	22	3,8
Иметь хороших и верных друзей, которым можно доверять и которые не предадут	72,7	22,9	4,4
Получить современное востребованное образование	63,2	29,6	7,2
Встретить достойного человека, с которым можно создать семью, воспитывать детей	60,6	30,7	8,7
Ситуация в сфере экологии, охране животных, окружающей среды	58,5	33,9	7,7
Встретить настоящую любовь	56,2	34	9,9
Найти возможность помочь своей стране, внести свой вклад в ее развитие	39,8	39,2	21

Все сказанное актуализирует вопрос об адекватных формах и технологиях работы с молодежью, которые бы позволяли снизить «стресс самореализации» с его негативными последствиями в виде депрессивных, тревожных и агрессивных состояний, а также вопрос о содержании воспитательного дискурса и актуализации в сознании молодежи неэгоистических ценностей отношений, семьи, гражданственности и социальной ответственности. Не отвечая на эти вопросы, мы рискуем в недалеком будущем столкнуться с ростом девиаций среди поколения «невротических эгоцентриков» — как реакцией на новые формы социального напряжения, достаточно схематично описанные выше.

Информация о финансировании

Статья подготовлена при финансовой поддержке Кубанского научного фонда. Проект № ФНИ-ГО-20.1/32 «Молодежь полиэтничного региона в нелинейном глоболокальном социуме: идентичность и ценности, жизненные стратегии, риски взросления»

Библиографический список

1. Бауман З. Индивидуализированное общество. М., 2005.
2. Бергер П., Хантингтон С. Многоликая глобализация. М., 2004.
3. Гигин В.Ф., Грищенко Ж.М. Студенты эпохи цифровых технологий: жизненные смыслы в реалиях белорусского общества // Социологические исследования. 2021. № 1.
4. Зимбардо Ф., Коломбе Н. Мужчина в отрыве: Игры, порно и потеря идентичности. М., 2017.
5. Зубок Ю.А., Чупров В.И. Смыслжизненные ценности в культурном пространстве российской молодежи // Научный результат. Социология и управление. 2018. Т. 4. № 3.
6. Кравченко С.А. Риски в нелинейном глоболокальном социуме. М., 2009.
7. Мертон К.Р. Социальная теория и социальная структура. М., 2006.
8. Нарбут Н.П., Троцук И.В. Социальное самочувствие молодежи постсоциалистических стран (на примере России, Казахстана и Чехии): сравнительный анализ ценностных ориентаций (Часть 1) // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2018. Т. 18. № 1.
9. Нарбут Н.П., Троцук И.В. Социальное самочувствие молодежи постсоциалистических стран (на примере России, Казахстана и Чехии): сравнительный анализ страхов, надежд и опасений (Часть 2) // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2018. Т. 18. № 2.
10. Хабермас Ю. Постсекулярное общество — что это? // Российская философская газета. 2008. № 4.
11. Хагуров Т.А., Остапенко А.А. и др. Риски взросления в современной России: концепции и факты. Опыт социологического анализа. Краснодар, 2013.
12. Baudrillard J. The Consumer Society. Myths and Structures. L., 1998.
13. Beck U. World at Risk. Cambridge, 2009.
14. Bell D. The Coming of Post-Industrial Society. A Venture in Social Forecasting. N.Y., 1973.
15. Castells M. The Rise of the Network Society. The Information Age. Economy, Society and Culture. Oxford, 1996.
16. Debord G. The Society of the Spectacle. Detroit, 1970.
17. Giddens A. Modernity and Self-identity. Stanford, 1991.
18. Lyotard G.-F. The Postmodern Condition. Oxford, 1989.
19. Mason P. PostCapitalism. A Guide to Our Future. Oxford, 2015.
20. Ritzer G. The McDonaldization of Society. Thousand Oaks, 2000.
21. Webster F. Theories of the Information Society. L., 2003.

Regional youth in a nonlinear global-local society: New forms of social tension*

Z.T. Golenkova¹, T.A. Khagurov²

¹Institute of Sociology of FCTAS RAS
Krzhizhanovskogo St., 24/35–5, Moscow, 117218, Russia

²Kuban State University
Stavropolskaya St., 149, Krasnodar, 350040, Russia
(e-mail: golenko@isras.ru; khagurov@mail.ru)

Abstract. The current state of society is characterized by the multidimensionality and non-linearity of social processes, mobility of social structures, dynamism and inconsistency of cultural transformations. Modernity is difficult to describe and understand; as a result, there are many attempts to conceptualize it with the categories of risk, consumption, McDonaldization, etc. An important feature of modernity is global locality which implies the complex interaction of global and local social-cultural systems in every regional and national society. One of the global trends of our time is the change in forms of social tension, which is determined by the processes in the sphere of culture, terminal and instrumental values, and motives for social activity. The article considers the relationship between these processes and changes in the system of life values of the Russian youth. The authors believe that these changes are caused by new forms of social tension, which are the result of the global-local cultural matrix. The classical forms of social tension, determined by the high social value of success and the lack of institutional means to achieve it, were described in the middle of the 20th century by R.K. Merton. Contemporary forms of social tension are supplemented and modified according to the changes in the value-motivation sphere. Tension is ‘psychologized’: under the cultural mosaic of the global-local society, the ‘discourse of self-realization’ prevails and replaces the ‘discourse of success’ of classical modern societies. These changes determine the specific content of the youth’s system of life values, and egocentricity and individualization become its key features. Students as the most globalized and reflective part of the youth are especially influenced by these cultural trends. These processes are considered on the basis of large empirical studies of the youth in the Krasnodar Region. The data of surveys of young people aged 14 to 30 in the Krasnodar Region (N = 7898) are compared with the data of the survey of university graduates (N = 2051) to clarify the life values of the regional youth and the factors affecting them.

Key words: non-linearity; global locality; mosaic consensus; individualization; gamification; youth; social tension; success; self-realization; life values; life strategies

Funding

The research was supported by the Kuban Science Foundation. Project No. FNI-GO-20.1/32 “Youth of the multi-ethnic region in a non-linear global-local society: Identity and values, life strategies, and risks of growing up”

References

1. Bauman Z. *Individualizirovannoe obshchestvo* [The Individualized Society]. Moscow; 2005. (In Russ.).
2. Berger P., Huntington S. *Mnogolikaya globalizatsiya* [Many Globalizations]. Moscow; 2004. (In Russ.).

*© Z.T. Golenkova, T.A. Khagurov, 2022

The article was submitted on 24.01.2022. The article was accepted on 07.04.2022.

3. Gigin V.F., Grishchenko Zh.M. Studenty epohi tsifrovyykh tekhnologiy: zhiznennyye smysly v realiyah belorusskogo obshchestva [Students of the digital age: Life meanings in the realities of the Belarusian society]. *Sociological Studies*. 2021; 1. (In Russ.).
4. Zimbardo F., Coulombe N. *Muzhchina v otryve: Igry, porno i poterya identichnosti* [Man Disconnected: How Technology Has Sabotaged What It Means to Be Male]. Moscow; 2017. (In Russ.).
5. Zubok Yu.A., Chuprov V.I. Smyslozhiznennyye tsennosti v kulturnom prostranstve Rossiyskoy molodezhi [Life values in the cultural space of the Russian youth]. *Nauchnyy Rezultat. Sotsiologiya i Upravlenie*. 2018; 3. (In Russ.).
6. Kravchenko S.A. *Riski v nelineynom globolokalnom sotsiume* [Risks in a Nonlinear Global-Local Society]. Moscow; 2009. (In Russ.).
7. Merton R. *Sotsialnaya teoriya i sotsialnaya struktura* [Social Theory and Social Structure]. Moscow; 2006. (In Russ.).
8. Narbut N.P., Trotsuk I.V. Sotsialnoe samochuvstvie molodezhi postsotsialisticheskikh stran (na primere Rossii, Kazakhstana i Chekhii): sravnitelnyy analiz tsennostnykh orientatsiy (Chast 1) [The social well-being of the post-socialist countries' youth (on the example of Russia, Kazakhstan and Czech Republic): Comparative analysis of value orientations (Part 1)]. *RUDN Journal of Sociology*. 2018; 18 (1). (In Russ.).
9. Narbut N.P., Trotsuk I.V. Sotsialnoe samochuvstvie molodezhi postsotsialisticheskikh stran (na primere Rossii, Kazakhstana i Chekhii): sravnitelnyy analiz strakhov, nadezhd i opaseniya (Chast 2) [The social well-being of the post-socialist countries' youth (on the example of Russia, Kazakhstan and Czech Republic): Comparative analysis of fears and hopes (Part 2)]. *RUDN Journal of Sociology*. 2018; 18 (2). (In Russ.).
10. Habermas J. Postsekulyarnoye obshchestvo — chto eto? [Post-secular society — what is it?]. *Rossiyskaya Filosofskaya Gazeta*. 2008; 5. (In Russ.).
11. Khagurov T.A., Ostapenko A.A. et al. *Riski vzrosleniya v sovremennoy Rossii: kontseptsii i fakty. Opyt sociologicheskogo analiza* [Risks of Growing up in Contemporary Russia: Concepts and Facts. A Sociological Analysis]. Krasnodar; 2013. (In Russ.).
12. Baudrillard J. *The Consumer Society. Myths and Structures*. London; 1998.
13. Beck U. *World at Risk*. Cambridge; 2009.
14. Bell D. *The Coming of Post-Industrial Society. A Venture in Social Forecasting*. New York; 1973.
15. Castells M. *The Rise of the Network Society. The Information Age. Economy, Society and Culture*. Oxford; 1996.
16. Debord G. *The Society of the Spectacle*. Detroit; 1970.
17. Giddens A. *Modernity and Self-Identity*. Stanford; 1991.
18. Lyotard G.-F. *The Postmodern Condition*. Oxford; 1989.
19. Mason P. *Post-Capitalism. A Guide to Our Future*. Oxford; 2015.
20. Ritzer G. *The McDonaldisation of Society*. Thousand Oaks; 2000.
21. Webster F. *Theories of the Information Society*. London; 2003.